

О войне не пишу

я давно не пишу о войне о войне не пишу
и не знаю сама это старость уже или зрелость
только снится к утру — незнакомую землю пашу
я любила ее
а она подо мной загорелась

задрожала зашла в ожидании большей беды
как по шву порвала
старый мир от крыльца до сарая
не хватает воды той земле не хватает воды
пожелтела поблекла сама не своя не сырая

что за тени бегут задыхаясь вдоль мертвой реки
вряд ли помнят уже кто когда затянул пояса им
эти гордые люди живущие здесь вопреки
старой песне о том что свои мы
своих не бросаем

постаревшие дети взрослевшие из-под полы
в детство впавшие матери
сжавшие мир как заточку
из любого зерна прорастает здесь только полынь
под засушливый шепот за сына за мужа за дочку

из любого угла мягко стелется ласковый дым
словно даже огонь растворяется бесследно подучен
я завидую тем кто уходит от нас молодым
не увидев как мир
выгибается в смертной падучей

бла-бла-кар

Лето будет нежарким, последнее лето, бро.
И ни в сказке сказать —
и хоть выжигай дотла —
ни пером описать этих вышедших из котла,
чтобы нашей земле опять причинить добро.

Передай по цепочке — мы связаны бечевой
непроглядной судьбы, которой не дорожат,
мы не верим чужим —
только руки дрожат-дрожат,
их водой не отмоешь мертвой не ключевой.

Мы по встрече — на цыпочках,
нежные батраки,
голосуем за проплывающий труп врага
и теряем свои предпоследние берега,
причитая — хотя бы лодку не опрокинь.

И сливаемся вверх.
Ты покрепче держи весло.
Я тебя не забуду, видишь — плету венки,
забираем с собой камни, звезды, траву, вино —
чтоб и тем, кто везет, когда-нибудь повезло.

Лето будет сырым, наше лучшее лето, бро.
Набухают от слез все попутные облака,
засекая в сердцах
наш торжественный бла-бла-кар,
рассыпающий слов горячечных серебро.

дудки

осипшая свирель, обледеневший гамельн,
встревоженный зверей недобрыми шагами,
здесь песен не поют ни те, ни эти,
здесь мерзнет у дверей журавлик-оригами.
а где же дети?

где твой заветный пазл, осатаневший город?
москва или кузбасс — без разницы, где голод,
когда детей чужая дудка водит.
и раз уж бог не спас — хоть воду лей за ворот,
хоть бейся в ворде.

мотив совсем простой, такое может каждый —
продуманный настой любви, которой жажда
у всех, кого давно никто не ищет.

и не шепчи «постой», крысиный бог накажет морзянкой в днище.

разбогатеет вдвойне на брошенных котомках,
на треснувшей волне как засвистит о том, как
нарядная нора в морозы греет.
эй, на какой войне ты вспомнишь о потомках?
они добрее.

вернутся — все простят, кошмары разгребая.
спишь, город на костях, судьба твоя рябая?..
чтобы стереть следы с хрустящих улиц,
звезда сойдет на стяг теперь уже любая —
лишь бы вернулись.

самое то (вместо колыбельной)

самое то — горевать нам, готовясь к уходу,
но, не считая ни шрамов, ни прочих отметин,
пламя проходят друзья мои молча и воду
и вылетают в трубу, зеленея от меди.

ангелы сдвинули нимбы, как старые каски,
и — под уздцы боливаров, разжившихся сбруей...
я продолжаю рассказывать дочери сказки,
я ничего-ничего про войну не скажу ей.

спи, моя девочка, пусть тебе снятся наряды,
сны о балах и единственном принце отважном —
дело не в том, что пока здесь не рвутся снаряды,
просто в запасе должны быть и сказки о важном.

пусть же по-прежнему кличет Аленушка братца,
мир твой построим на самой надежной надежде —
спи, моя радость, а песен, придуманных прежде,
хватит нам, чтобы до новой капли добраться.

Отцу

Он умирал так долго, что привык
не оставлять следов на чистом поле,
где тысячи прикормленных кривых
его к последней вывозили боли.

Но не корил. Курил, смотрел в окно,
где родина, содравшая колени,
ползла на свет, а с нею заодно
пропала пара лишних поколений.

Какой надеждой жить он продолжал,
не знающий, где храм, а где больница?
Твердил, что все пройдет и просто жар,
но было видно, что спросить — боится.

Давно не запирался на засов,
не верил, не просил, не ждал ответа,
всю ночь искал созвездье Гончих Псов.
Глаза слезились — видимо, от ветра.

А утром с нечитабельной канвой —
лишь голубей голодных оголтелость
да облаков торжественный конвой,
а он ждал солнца, так ему хотелось.

И, бледных домочадцев веселя,
смеялся, что пора варганить ящик —
пусть только чуть согреется земля,
а то так жалко зябнущих скорбящих.

...

Зажмуришься от пляшущих лучей —
совсем другое дело, чем от страха,
и вдруг поймешь,
что, если стал — ничей,
кому нужна последняя рубаха?

ВЫЖИВЕШЬ — ЗАПИШИ

просто картинка так и рисуй в тетрадь —
станция пудель бабка с мешком опят
с нами случилось все уже
слов не трать
колокол только бьется по ком опят

день-дили-дон которую ночь без сна
спят цифровые люди в сетях IT
в окнах рассвет
заманчивый как блесна
нам не доплыть уже теперь не дойти

медные рыбы хлесткие плавники
сосны желтеют август необратим
дни в самый раз а ночи нам велики
вот и сентябрь
подельничек побратим

как оторвемся как натворим добра
и полетим прозрачные к тем кто пал

осень намедни очень была храбра
сам пожалеешь что под нее копал
враз ошалеешь вышепчешь не спеши
воздух пружинит больно смотреть на свет
осень не лекарь выживешь — запиши
как не услышал звона
а нет так нет

не обстрел

ты уверен, что это еще не обстрел?
отчего же тогда чувство локтя острой,
что ж так плотно зашторены окна.
все пророки смиренно сомкнули уста,
ты обил все пороги, ты слишком устал,
словно пуля твой ищет висок, но

ты идешь ей навстречу, веселый дикарь,
даже в детстве тебя не учили тикать,
а теперь-то и вовсе не шутка —
ты пахал и ни с кем не хотел враждовать,
но услышал — солдатская плачет вдова
безысходно, протяжно и жутко.

беглый пленник чужих виртуальных сетей,
ты не знал, что теперь тут хоронят детей —
плачут так, словно Бог небо выжал,
на расхристанный мир наводя марафет.
видишь — падает, падает тень на лафет.
надо, чтобы ты все-таки выжил.

не сегодня

словно нитку в иголку вдену —
слово за слово — посуровой.
бой без правил, стишок не в тему,
не забудь, что до первой крови.

что за город — бетон и пластик,
голоса из-под грузных арок —
грохнуть эхо не в нашей власти,
так прими его как подарок.

да какая там меркантильность —
ни огня, ни крестов нательных.
кто за тридевять укатил нас —
безымянных, смешных, отдельных.

мы не здешние, не готовы —
вечер черен, рассвет муаров.
люди добрые — кто вы, кто вы?
ветром сброшены с тротуаров

между прачечных и котельных,
храмом, оперой и мусарней
мы опознаны здесь как тень их,
с каждым выдохом лучезарней

улыбаемся, машем, машем —
беспризорная срань господня.
этот город не будет нашим,
не сегодня так не сегодня.

рецидив

ты срезанных цветов мне не носил
боялся этой выморочной смерти
растить свои — ни времени ни сил
вот и храню два лепестка в конверте

прими и ты — сентябрь из первых рук
привал бесстрашных в золоте и дыме
но ты рисуешь круг
рискуешь в круг
и сумерки становятся седыми

мгновенно отрастает борода
у каждого из местных анекдотов
мы оставляем наши города
но не находим нужных антидотов

лиха беда начало — вот те крест
а я все песни пела суп варила
и тьма окрест я помню этот квест
как дрейфовала наша субмарина

ты с чабрецом бодяжишь анашу
друзья дивятся ах неосторожен
а я наш страх под сердцем уношу
минуя лапы пристальных таможен

коньяк воздушно-капельным путем
последний гусь в счет будущего года —
с тех самых пор мы в прошлое бредем
где на двери болтается щеколда

спасительного жара нацедив
поди вернись скорее отнеси ей
ведь что такое осень — рецидив
страна больна бедой и амнезией

святые девяностые в аду
кто нас учил теплее одеваться
мы молоды и к нашему стыду
мы счастливы
раз некуда деваться

раз уж ты не вернулся

как-то ты не вернулся с этой своей войны —
ничего не случилось, но стало не про любовь.
я по-прежнему всех жалею и правлю боль,
только знаю,
что даже лучший теперь — любой,
засыпая в своем кольце из сплошных двойных.

словно тех, кто пробьется внутрь, ожидает смерть.
начинаю спасать их, еще не успев обнять,
вытираю горячий пот, бормочу: родня,
только помню,
что даже лучший слабей огня.
засыпаю, молясь в подушку — не сметь, не сметь.

пусть меня поправляют — с лишней войны, чужой,
никого не спасти, мол, напрасная в сердце брешь.
только мне ли не знать, зачем
был весь этот трэш?
я умею молчать — хоть жги, хоть живую режь,
но тебя отпою за вечной своей межой.

помню, как обернулся — я до сих пор больна:
не умею прощаться — прощенные что творят...
я учу их держаться за руки, отворять
кровь из вены
и дверь любому — держать твой ряд.
раз уж ты не вернулся, это — моя война.

